

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 1 (68)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лакхельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников
Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2025

FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

№ 1 (68)
2025

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Фрибус А.В.^а, Грушин С.П.^{б,*}

^а ИИМК РАН, Дворцовая наб., 18, литер А, Санкт-Петербург, 191186

^б АлтГУ, просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049

E-mail: fribus@list.ru (Фрибус А.В.); gsp142@mail.ru (Грушин С.П.)

МЕЖДУ ТАЙГОЙ И СТЕПЬЮ: НОВАЯ НАХОДКА БЛЯХИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ «МЕДВЕДЕЙ В ЖЕРТВЕННОЙ ПОЗЕ» ИЗ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Работа посвящена анализу и историко-культурной интерпретации новой находки бляхи с изображением медведей в «жертвенной позе» из раннесредневекового погребения могильника Чумыш-Пережат в Верхнем Приобье. Это одна из самых южных находок такого рода на территории Западной Сибири. Комплексный анализ погребального обряда и инвентаря позволяет датировать рассматриваемые материалы серединой VII — рубежом VII–VIII вв. Материалы данного погребения и некрополя в целом демонстрируют сложный этнокультурный состав населения, оставившего могильник. Анализ вещевого комплекса и планиграфии позволяет выделить как минимум три компонента: местный («самодийский»¹), южный («тюркский») и северный («угорский»).

Ключевые слова: Алтай, одинцовская культура, верхнеобская культура, культовое литье, раннее средневековье.

Ссылка на публикацию: Фрибус А.В., Грушин С.П. Между тайгой и степью: новая находка бляхи с изображением «медведей в жертвенной позе» из Верхнего Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 1. С. 81–95. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-68-1-6>

Памяти Д.Г. Савинова

Введение

Прямоугольные бронзовые бляхи с характерной иконографией, изображающие головы медведей, уложенные между передними лапами, являются своеобразным этнокультурным и хронологическим маркером на обширных пространствах таежной, лесной и отчасти лесостепной зоны Западной Сибири в I тыс. н.э. До недавнего времени ареал известных находок таких предметов охватывал широкую территорию от Приуралья (и даже западнее) до Ачинско-Мариинской лесостепи, однако за пределами этой своеобразной «северной зоны» такие находки не встречались. Ряд исследователей, не без оснований, связывают этот иконографический сюжет с угорским миром [Чернецов, 1953, с. 130; Чемякин, 2009, с. 438]. Сам термин «жертвенная поза» зародился из ранних сведений по сибирской этнографии, которые фиксируют различные вариации охотничьих культов, в основе которых лежат манипуляции со шкурой убитого зверя и ее экспонирование [Гондатти, 1888; Ядринцев, 1890, с. 180]. В настоящее время связь этого образа с «медвежьим праздником» уже не выглядит столь однозначной, существуют и другие трактовки семантики данного сюжета, порой весьма дискуссионные [Ширин, 1997; Сотникова, 2004; Мец, 2004; Бауло, 2016]. Важно, что находки «медвежьих блях» на юге Западной Сибири практически неизвестны в закрытых комплексах позднее второй половины VII в. н.э., что, как считается, обусловлено проникновением на север элементов тюркской культуры и серьезными изменениями в динамике и направленности этнокультурных процессов в регионе [Троицкая, Дураков, 1995, с. 106–107].

В обозначенном контексте территория лесостепного Алтая, Верхнего Приобья, заслуживает особого внимания, поскольку именно она являлась своеобразной контактной зоной между южными горностепными районами и северной периферией. Долгое время отсутствие выразительных погребальных комплексов осинкинского и сошниковского этапов одинцовской культуры не

* Corresponding author.

¹ Здесь и далее термины «самодийский», «угорский», «тюркский» используются условно, исключительно как историко-культурные, а не лингвистические. Авторы представляют себе всю сложность и мозаичность этнокультурной картины в регионе в эпоху раннего средневековья, обусловленную активными процессами взаимодействия различных культурных/этнических субстратов. Очевидна и острая дискуссионность вопросов, касающихся культурной или этнической атрибуции материалов этого времени на территории юга Западной Сибири [История Сибири..., 2019; Пилипенко и др., 2023, с. 808–810].

позволяло представить характер и динамику сложных этнокультурных процессов, происходивших на этих территориях в эпоху Тюркских каганатов. Новые материалы во многом меняют представления о начальных этапах процессов «тюркизации», принятые ранее в историографии [Горбунов, 2003; Кирюшин, Горбунов, 2007; и др.], и подтверждают правомерность размышлений Д.Г. Савинова и А.С. Васютина о разнонаправленном характере и неоднозначности процессов, приведших к своеобразному симбиозу кочевнических и оседлых культурных традиций, нашедшему отражение в появлении смешанных комплексов, исследованных в том числе в Верхнем Приобье [Савинов, 2011; Васютин и др., 2008]. Речь идет прежде всего о публикации материалов могильника Горный 10, где обнаружены захоронения в сопровождении коня, что для лесостепного Алтая эпохи Тюркских каганатов можно считать редкостью [Серегин и др., 2019; Серегин, Степанова, 2020] и могильника Страшный Яр-1 [Горбунов и др., 2017], а также о появлении необычных материалов из соседних регионов (например, культовый памятник Черемза 1 на юге Кузнецкой котловины, в верховьях р. Томь) [Постнов и др., 2019; Ширин, 2021].

Данная публикация посвящена анализу результатов комплексного исследования материалов погребения 30 могильника Чумыш-Перекаат, в вещевом комплексе и погребальном обряде которого фиксируется целый ряд синкретичных черт, как нельзя лучше характеризующих смешанные комплексы этого времени в Верхнем Приобье.

Грунтовый могильник Чумыш-Перекаат открыт в 2013 г. С.П. Грушиным, расположен в Западном Присалаирье, на северо-востоке Алтайского края, на высокой мысовидной террасе правого берега р. Чумыш. Памятник разновременный, к периоду раннего средневековья относится 17 погребений (16 из них совершено по обряду ингумации, 1 — кремация). С точки зрения планиграфии могилы образуют несколько групп [Грушин, 2021, с. 76]. Рассматриваемое погребение 30 располагалось в 6 м к северо-востоку от основной компактной группы из девяти могил (№ 18, 20–26, 28) в составе условной цепочки, вытянутой по линии ЮЗ–СВ (рис. 1).

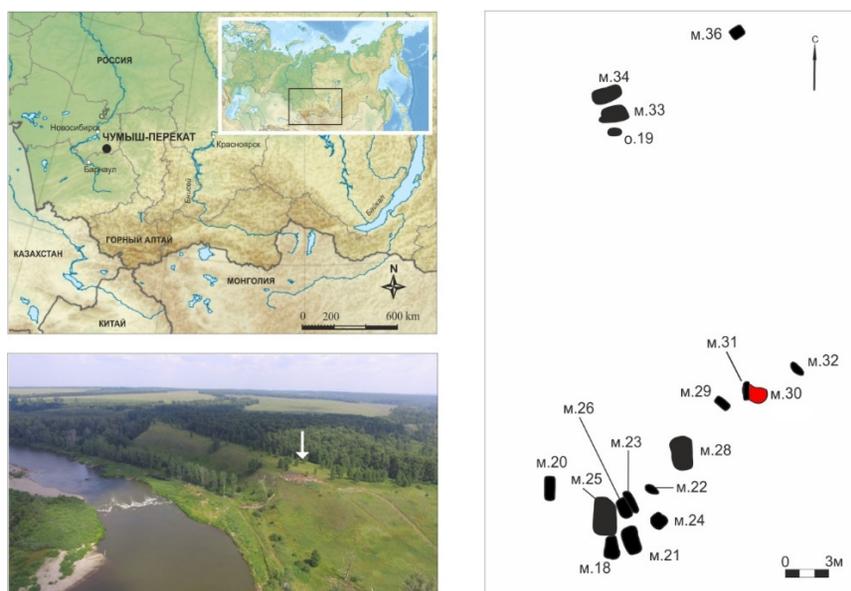

Рис. 1. Местоположение могильника Чумыш-Перекаат и схема расположения раннесредневековых погребений (могила 30 отмечена красным цветом).

Fig. 1. Location of the Chumysh-Perekat necropolis and scheme of the positions of Early Medieval burials (grave 30 marked red colour).

Характеристика и анализ источников.

Чумыш-Перекаат, могила № 30: погребальный обряд и предметный комплекс

Могильная яма первоначально имела прямоугольную форму со скругленными углами (размеры 190×75 см, глубина от уровня материка около 20 см) и была ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ (рис. 2). Погребение было нарушено в древности. В северо-восточной части четко фиксировалось по заполнению пятно грабительского лаза, овальной в плане формы, размерами 100×80 см. В заполнении непо потревоженной части могильной ямы и грабительского лаза зафиксированы отдельные фрагменты дерева и продольно уложенная плашка (возможно,

Между тайгой и степью: новая находка бляхи с изображением «медведей в жертвенной позе»...

остатки деревянного предмета), сохранившая свое первоначальное положение (над костями таза, рядом с левым предплечьем).

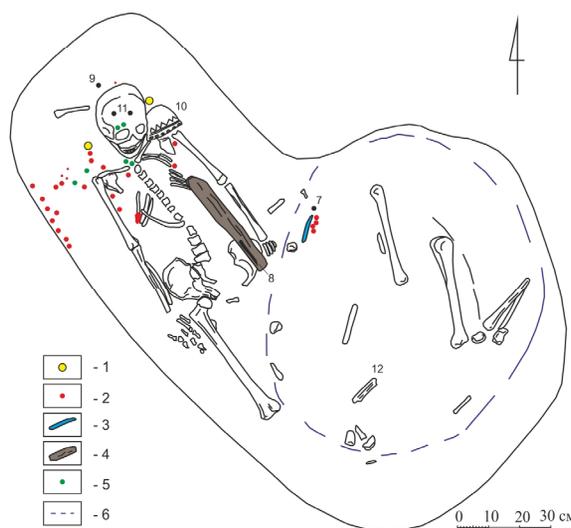

Рис. 2. Могильник Чумыш-Пережат, могила № 30. Фото и план:

1 — псевдокольты; 2 — элементы поясного набора; 3 — бляха с медведями; 4 — дерево; 5 — пронизки; 6 — границы грабительского лаза; 7 — бусина; 8 — нож; 9 — круглая бляшка; 10 — сосуд; 11 — подвески-ворворки; 12 — камень.

Fig. 2. Chumysh-Perekat necropolis, grave 30. Photo and plan:

1 — pseudo colts; 2 — elements of a belt set; 3 — plaque with bears; 4 — wood; 5 — pierce; 6 — borders of the looters pit; 7 — bead; 8 — knife; 9 — round plaque; 10 — vessel; 11 — pendants; 12 — stone.

Погребенный, судя по сохранившим первоначальное положение костям скелета, был уложен в положении «вытянуто на спине», головой ориентирован на северо-запад, руки вытянуты вдоль туловища. Все кости ног (кроме правой бедренной) были перемещены в процессе проникновения в могилу и находились в разных частях грабительского лаза, в том числе у северной стенки в вертикальном положении. Также в перемещенном состоянии была найдена левая лучевая кость, которая располагалась за черепом. Несмотря на небольшую глубину захоронения, под черепом, благодаря окислам бронзы, сохранились останки органики: фрагменты волос, ткани, кожи и берестяной подстилки.

Скелет принадлежал женщине 35–50 лет. Зафиксирован ряд патологий костной системы, связанных с возрастными изменениями либо развитием артроза и периартрита. Имеются также признаки искусственной теменно-затылочной деформации черепа². Черепа со следами деформации известны в материалах синхронных памятников (Ближние Елбаны XII и XIV, Осинки, Юрт-Акбалык 11, Умна III) [Грязнов 1956, с. 101, 104; Савинов и др., 2008, с. 17–18; Троицкая, Новиков, 1998, с. 18]. В непо потревоженной части могильной ямы были обнаружены: слева от черепа — керамический сосуд, упавший на бок, устьем обращен к ЮВ; слева, на костях таза, — железный нож;

² Антропологические определения В.Е. Алексеевой (АлтГУ).

по обеим сторонам от черепа — бронзовые височные подвески — псевдоколты; под черепом — пара подвесок-ворворок и круглая бляха с отверстием посередине. Большая часть остальных украшений и элементов ременной гарнитуры концентрировалась справа от черепа и вдоль стенки могильной ямы. Находки представлены 6 цилиндрическими пронизками, 4 прямоугольными заклепками со шпеньком, 2 накладными бляшками и псевдопряжкой, ременной пряжкой и 15 однотипными круглыми штампованными накладными бляшками (одна из них сильно фрагментирована).

Находки в заполнении грабительского лаза располагались компактно у северо-западной стенки. Здесь обнаружены прямоугольная бляха с изображением «медведей в жертвенной позе» (располагалась вертикально в верхней части заполнения), золотая бусина, круглая штампованная бляшка со шпеньком, накладная бляшка и три псевдопряжки. В южной части ямы также обнаружена зашлифованная сланцевая плитка.

Общая характеристика сопроводительного инвентаря

Керамический сосуд круглодонный, с широким горлом и слабо профилированной шейкой. Высота 9,6 см, диаметр устья 12 см. Орнаментирован рядом жемчужин под венчиком, ниже — две прочерченные линии, под ними ряд треугольников, обращенных вершинами вниз, выполненных тремя прочерченными линиями (рис. 3). Сосуд выглядит довольно необычно как на фоне остальной коллекции Чумыша-Переката, так и в сравнении с керамическими материалами синхронных памятников Верхнего Приобья. Прежде всего, это касается техники нанесения орнамента и характера орнаментальной композиции. Все сосуды Чумыша-Переката орнаментированы гребенчатым штампом. Что касается композиции, часто гребенка образует ряды зигзагообразных линий, в том числе тройные, но не треугольники, как в данном случае. В то же время необходимо отметить, что подобная техника орнаментации и сам орнаментальный мотив («фестон» по терминологии Л.А. Чиндиной) известны в материалах релкинской культуры в Среднем Приобье, хотя и здесь нельзя говорить об их широком распространении [Чиндина, 1991, рис. 14].

Рис. 3. Могильник Чумыш-Перекат, погребение № 30. Керамический сосуд.
Fig. 3. Chumysh-Perekat necropolis, grave 30. Ceramic vessel.

Подвески-ворворки из цветного металла (2 экз.) имеют вид полого усеченного конуса со стерженьком и двумя треугольными «лепестками» («остростками» по терминологии Т.Н. Троицкой). Размеры обоих предметов примерно одинаковы — общая высота 3,5 см, диаметр стерженька 0,5 см, наибольший диаметр 1 см. Стерженек украшен тремя рельефными валиками. По краю «лепестков» также идет узкий бортик, внутри помещено рельефное изображение равнобедренного треугольника, обращенного вершиной вниз, своеобразный «шеvron» (рис. 4, 1, 2).

Подобные типы украшений довольно широко распространены в памятниках верхнеобской культуры Новосибирского Приобья [Троицкая, Новиков, 1998, с. 29, рис. 16, 55–63], а также находят аналогии в Притомье [Чиндина, 1977, рис. 5, 5, 7, 10; 10, 26, 27; 11, 1, 2; 16, 8; 1991, рис. 29, 32–36; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 21, 2, 22, 4]. По мнению Т.Н. Троицкой, такие типы подвесок генетически связаны с кулайскими и таштыкскими украшениями [Троицкая, 1979, табл. XII, 13, 14; Троицкая, Новиков, 1998, с. 29]. При безусловном общем сходстве находки с Чумыша имеют и отличие от предметов, найденных в Новосибирском и Томском Приобье, — у них два «лепестка», а не три. Абсолютно аналогичные подвески-ворворки с двумя лепестками и треугольными шевронами найдены в погребении по обряду кремации из кургана 33 могильника Саратовка в Кузнецкой котловине, которое автор раскопок датирует VI–VII вв. [Илюшин, 1999, с. 57, рис. 40, 8, 9]. Кроме Верхнего и Среднего Приобья, подобные типы украшений известны также

Между тайгой и степью: новая находка бляхи с изображением «медведей в жертвенной позе»...

в материалах потчевашской культуры в Прииртышье [Финно-угры и балты..., 1987, табл. LXVIII, 51]. Что касается подвесок-ворворок без «лепестков», то они, в целом, характерны для финно-угорских народов и широко распространены как территориально, так и хронологически.

Рис. 4. Могильник Чумыш-Перекаат, погребение № 30:
1, 2 — подвески-ворворки; 3, 4 — псевдоколты (1–4 — бронза).
Fig. 4. Chumysh-Perekat necropolis, grave 30:
1, 2 — pendants; 3, 4 — pseudo colts (1–4 — bronze).

Псевдоколты представляют собой парные крупные височные украшения, изготовленные из цветного металла. Диаметр изделий 2,7 см, имеются ушки с отверстиями для подвешивания, по краю присутствует имитация орнамента в виде крупной зерни (рис. 4, 3, 4). Как известно, «классические» колты состоят из двух створок и внутри полые. В данном случае предметы литые и лишь имитируют традиционную форму таких украшений. Находки подобных изделий являются крайне редкими. В качестве наиболее близкой географически аналогии необходимо упомянуть предметы, обнаруженные в погребении у п. Одинцовка недалеко от г. Бийска. Эти предметы полые, оттиснуты из двух «медных листов», украшенных выдавленными изнутри бугорками [Грязнов, 1956, с. 109, рис. 18, 3, 4]. Однако практически идентичные изделия обнаружены далеко на юге и происходят из погребения 4 могильника Кудыргэ в Горном Алтае. Они оттиснуты из двух листов меди, сверху покрыты золотой фольгой. Сохранились две створки от одного предмета и одна от второго. Они были скопированы с разных оригиналов и несколько отличаются орнаментом, по в обоих случаях по краю присутствует крупная зернь или жемчужины. Створки на полностью сохранившемся экземпляре не были скреплены и склеивались смолянистой массой, заполнявшей полость между ними [Руденко, Глухов, 1927, с. 41, рис. 5; Гаврилова, 1965, с. 39–40, табл. IX, 3, 4].

Железный нож черешковый, сильно коррозирован, сохранились фрагменты деревянной рукояти. Общая длина изделия 12 см, наибольшая ширина лезвия 2 см (рис. 5, 38).

Бляха-подвеска нашивная круглая. Из цветного металла округлой формы, выпуклая в профиль, с отверстием посередине (рис. 5, 2). Общий диаметр 2,7 см, диаметр центрального отверстия 1 см. По краю и в центре с «лицевой», выпуклой, стороны имеется узкий невысокий бортик. Также имеются 4 противоположащих отверстия для крепления, диаметром около 0,2 см. Прямые аналогии таким предметам нам не известны. Судя по положению в могиле, пара подвесок-ворворок и круглая бляха-подвеска составляют единый комплекс украшений головного убора или прически со стороны затылка.

Пронизы из цветного металла (6 экз.). Достаточно однотипные изделия цилиндрической формы, диаметр 0,5 см, длина 1 см (рис. 5, 18–23). Подобные цилиндрические пронизки найдены практически во всех раннесредневековых погребениях Чумыша-Перекаата (мужских, женских и детских) и имеют широкий круг аналогий в памятниках Верхнего Приобья и соседних регионов VI–VIII вв.

Элементы ременной гарнитуры представлены нашивными и накладными бляшками, пряжкой, псевдопряжками и заклепками. Основным украшением пояса являлись круглые штампованные бляшки из цветного металла с изображением четырехлепесткового цветка (14 экз.) (рис. 5, 24–37). Диаметр бляшек 1,5 см. Аналогии подобным предметам довольно редки. Практически идентичная бляшка представлена в единственном экземпляре в материалах могилы 18 некрополя Горный 10 [Серегин, Степанова, 2022, рис. 2, 16]. Несколько подобных бляшек най-

дено на могильнике Монгун-Тайга (Биче-Шуй³) в Туве в тюркском погребении в сопровождении коня (МТ-58-VIII). Они более крупные (диаметр около 3 см), сделаны из серебра и покрыты золотой фольгой. Эти бляшки служили украшением конской сбруи [Грач, 1960, с. 122, рис. 60].

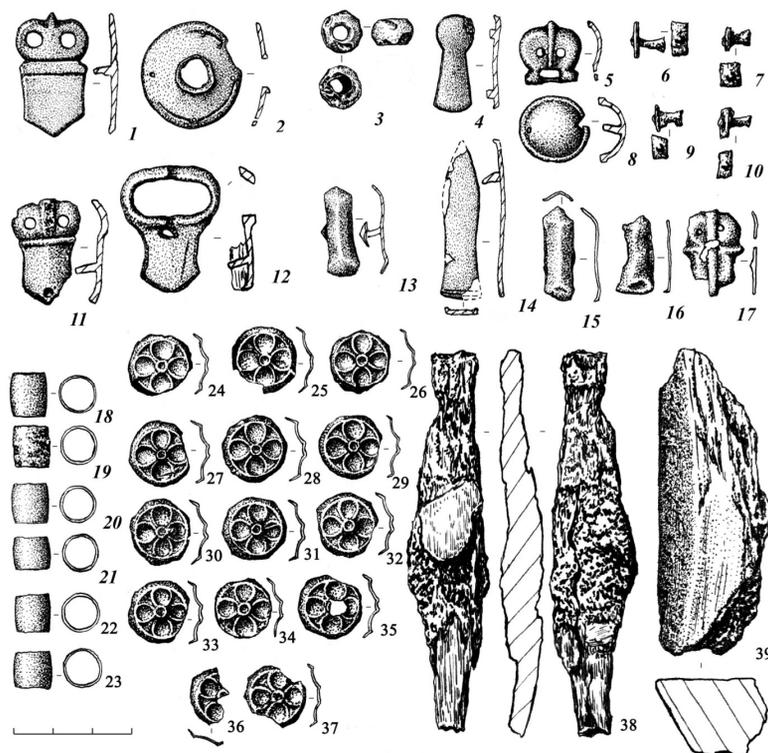

Рис. 5. Могильник Чумыш-Перекаат, погребение № 30:

1, 5, 11, 17 — псевдопряжки; 2 — бляха-подвеска круглая; 3 — бусина; 4, 8, 13–16, 24–37 — накладные бляшки; 6, 7, 9, 10 — заклепки; 12 — пряжка; 18 — пронизки; 38 — нож; 39 — сланцевая плитка (1, 2, 4–37 — бронза; 3 — золото; 38 — железо; 39 — камень).

Fig. 5. Chumysh-Perekat necropolis, grave 30:

1, 5, 11, 17 — pseudo buckles; 2 — round plaque-pendant; 3 — bead; 4, 8, 13–16, 24–37 — false plaques; 6, 7, 9, 10 — rivets; 12 — buckle; 18 — tube beads; 38 — knife; 39 — slate tile (1, 2, 4–37 — bronze; 3 — gold; 38 — iron; 39 — stone).

Накладные бляшки относятся к разным типам. Три экземпляра подпрямоугольной формы, длиной около 2 см, изготовлены из тонкого листа цветного металла, в сечении подтреугольные, в центре имеется шпенок для крепления с заклепкой (рис. 5, 13, 15, 16). Одна бляшка — в форме «замочной скважины», изготовлена из цветного металла, имеет длину 2,5 см, два шпенька для крепления (рис. 5, 4). Аналогичные бляшки происходят, например, из Красного Яра, Релки и Черемзы [Троицкая, Новиков, 1998, рис. 26, 32; Чиндина, 1991, рис. 29, 6; Ширин, 2021, рис. 6, 21, 22]. Еще один экземпляр — в форме удлиненного геральдического щитка (рис. 5, 14). Эта бляшка также изготовлена из цветного металла, ее длина 3,6 см. Похожие формы известны в материалах могильника Кудыргэ, Релки и Черемзы, обычно они имеют по два отверстия в верхней части [Гаврилова, 1965, табл. XVIII, 8–10, X, 14; Чиндина, 1977, рис. 33, 2; Ширин, 2021, рис. 6, 23]. Круглая бляха-накладка с бортиком по краю, со шпеньком для крепления, изготовлена из цветного металла, ее диаметр 2 см (рис. 5, 8). Подобные круглые бляхи, с различным оформлением, имеют широкий круг аналогий в памятниках VI–VIII вв. в Верхнем Приобье и сопредельных регионах (см., напр.: [Серегин, Степанова, 2022, с. 717]).

В комплект входит 4 псевдопряжки. Две из них «В-образные» с перехватом и геральдическим щитком (рис. 5, 1, 11). Они изготовлены из цветного металла, имеют шпенок для крепления к ремню, длина 2,6 и 3,5 см. Еще одна псевдопряжка — подвесная, «В-образная», без щитка, размеры 1,6×1,5 см (рис. 5, 5). Четвертый экземпляр плохой сохранности, без щитка, имеет четырехчастное деление, длина 2,1 см (рис. 5, 17).

³ Под таким названием материалы памятника представлены в экспозиции Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург).

Между тайгой и степью: новая находка бляхи с изображением «медведей в жертвенной позе»...

Пряжка овально-рамчатая, изготовлена из цветного металла, с неподвижным щитком геральдического типа, имеется шпенек для крепления, длина 3,3 см (рис. 5, 12). Пряжка и псевдо-пряжки имеют аналогии в памятниках VI–VIII вв. в Верхнем Приобье и сопредельных регионах. Комплект дополняют 4 экземпляра заклепок из цветного металла, которые служили, вероятно, для крепления блях-накладок (рис. 5, 6, 7, 9, 10).

Расположение элементов поясной гарнитуры в погребении позволяет предположить, что пояс не был принадлежностью костюма умершей. Он был уложен отдельно с правой стороны в головах погребенной, у стенки могильной ямы и является, таким образом, «погребальным приношением» в прямом смысле этого слова.

Золотая бусина, найденная в заполнении грабительского лаза, имеет диаметр 1 см, диаметр отверстия 0,5 см (рис. 5, 3).

Здесь же была обнаружена зашлифованная с одной из сторон *сланцевая плитка*, размеры 8×3×2 см (рис. 5, 39).

Рис. 6. Могильник Чумыш-Перекат, погребение № 30. Бляха с изображением «медведей в жертвенной позе» (бронза).

Fig. 6. Chumysh-Perekat necropolis, grave 30. Badge with the image of “bears in a sacrificial pose” (bronze).

*Бляха с изображением «медведей в жертвенной позе»*⁴. Прямоугольная, изготовлена из бронзы, размеры 7,5×4,4 см, толщина 0,2 см (рис. 6). На внутренней стороне по углам имеются 4 прямоугольные петли для крепления. Края бляхи оформлены ложновитым жгутом. Лицевая сторона разделена на три части. Две узкие полосы по бокам гладкие. В центральной, наиболее широкой, вертикально изображены три головы медведей, помещенные между лап. С внутренней стороны частично прослеживается разделительный орнамент в виде имитации жгута. У медведей показаны уши с тремя валиками. Также три рельефных горизонтальных валика показаны на лапах, в центре — рельефный кружок, все медведи изображены трехпальными. Особенно хорошо эти детали фиксируются на центральной, наиболее хорошо сохранившейся фигуре.

С целью выявления состава металла бляха была изучена на кафедре археологии, этнографии и музеологии АлтГУ с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель

⁴ Предварительная публикация этого предмета до реставрации была сделана в ежегоднике «Археологические открытия-2018» [Фрибус, Грушин, 2020а].

Альфа-2000, производство США)⁵. Тестирование осуществлялось на лицевой стороне предмета без снятия окислов и на обратной со снятием поверхностных окислов. Получены 4 близких по показателям результата, которые свидетельствуют о медно-свинцово-оловянном (бронзовом) сплаве: 1) Cu — 42,41 %; Pb — 40,58 %; Sn — 14,15 %; Fe — 2,78 %; Ni — 0,07 %; 2) Cu — 55,26 %; Pb — 30,37 %; Sn — 9,94 %; Fe — 1,58 %; Ni — 0,07 %; 3) Cu — 58,03 %; Pb — 33,19 %; Sn — 9,74 %; Fe — 1,76 %; Ni — 0,05 %; 4) Cu — 59 %; Pb — 29,25 %; Sn — 9,76 %; Fe — 1,92 %; Ni — 0,05 %.

Полученные результаты показывают, что составы сплавов, использованных для изготовления бляхи и деталей поясных наборов, обнаруженных на памятнике, значительно различаются. Для изготовления ременных блях-накладок использовались своеобразный медно-серебряно-оловянно-цинковый сплав и свинцовая латунь [Грушин и др., 2020, с. 130, 133]. Отличается состав сплава и от данных по металлу других одинцовских памятников Верхнего Приобья, в частности могильника Страшный Яр 1, где преобладают оловянистые бронзы с широким варьированием (от 0,61 до 39,69 %) в составе свинца [Тишкин и др., 2018, с. 237].

Обсуждение результатов: бляха с Чумыша-Переката в контексте западносибирских «медвежьих» древностей»

К настоящему времени, с учетом новых находок, известно более 100 прямоугольных блях с изображениями «медведей в жертвенной позе» [Чемякин, 2014, с. 109]. Находки представлены как целыми экземплярами, так и обломками, подавляющее их большинство происходит с территории Западной Сибири, многие предметы найдены в закрытых комплексах. Значительное число новых находок связано с этнографическими сборами и грабительскими раскопками, в том числе в северных районах Западной Сибири, в частности в Ханты-Мансийском автономном округе. Часть из них хранится в частных коллекциях [Бауло, 2011, 2022; Бауло, Белогай, 2020].

Типология прямоугольных блях наиболее детально разработана в ряде работ Ю.П. Чемякина. По положению пластины автор разделяет все находки на 2 класса (вертикальные и горизонтальные), по количеству голов медведей выделяется 5 групп, внутри которых в зависимости от расположения голов на бляхе выделяются типы, внутри них, с учетом деталей иконографии,— подтипы [Чемякин, 2003, 2014].

Бляха с Чумыша-Переката относится к классу вертикальных, группа 3 (с изображением трех голов медведей), тип 2 (пластина поделена на три вертикальные полосы, головы медведей изображены на центральной, наиболее широкой), подтип 3 (с детальной проработкой изображения морды и лап зверя) [Чемякин, 2014, с. 109, 112]. Это наиболее многочисленный подтип, подавляющее число находок происходит с территории Сибири. Бляхи этой группы довольно единообразны, хотя и имеют некоторые особенности в оформлении деталей (изображение ушей и лап зверя, характер окантовки).

Несмотря на то что все бляхи этого подтипа практически идентичны, рассматриваемый экземпляр имеет некоторые иконографические особенности. Речь идет о довольно своеобразной трактовке лап медведей. Все они показаны трехпальными, с кружком в центре лапы и тремя горизонтальными полосами-валиками. Чаще всего медведи на бляхах изображались четырехпальными, хотя известны экземпляры с изображениями двух или трех пальцев [Троицкая, Дураков, 1995, с. 102, рис. 2, б; 3, 2]. Противоречивые культовые представления сибирских аборигенов о количестве пальцев у медведя (на самом деле их конечно 5) известны по данным этнографии [Гемюев, 1985, с. 139–143]. Оформление лап горизонтальными валиками иногда встречается на «вертикальных» бляхах, а вот рельефные кружки (или «глазки» по терминологии Т.Н. Троицкой), делающие лапы зверя похожими на головы змей, ранее были неизвестны. Этот специфический элемент присутствует в иконографии другой категории предметов культового литья — на профильных бляхах с изображением шагающего медведя. Бляхи с такими особенностями оформления лап характерны для северных районов Приобья и встречаются в материалах верхнеобской и релкинской культур [Троицкая, 2000, с. 43–45, рис. 2, 1, 2, 4, 5].

Ближайшие аналогии бляхе с Чумыша в закрытых комплексах происходят из могильника Красный Яр-1 в Новосибирском Приобье (2 экз.) [Троицкая, Дураков, 1995, рис. 3, 2], Релкинского могильника (2 экз.), могильника у Архиерейской заимки (6 экз.) в Томском Приобье [Чиндина, 1977, рис. 23, 9; Троицкая, 2000, рис. 3, 1] и Окуневского III могильника (1 экз.) в Прииртышье [Могильников, Коники, 1983, рис. 9, 14]. Самые западные находки блях второго типа (без учета деления на подтипы) известны в Приуралье (бляха из коллекции М.Н. Зеликмана, Лагеревские курганы, Верх-Сайнский могильник), восточные — в Приобье; северная граница их распространения — Среднее

⁵ Определения и аналитическое заключение выполнены А.А. Тишкиным.

Между тайгой и степью: новая находка бляхи с изображением «медведей в жертвенной позе»...

Приобье (городище Кучиминское I, Барсов городок II/15 и др.), самым южным пунктом до недавнего времени являлся могильник Красный Яр-1 в Верхнем Приобье [Чемякин, 2009, карта 2].

Необходимо сказать о контексте находок и хронологии блях третьего подтипа.

Обе находки на могильнике Красный Яр-1 происходят из кургана 7 (ингумация), среди других находок — бронзовая пряжка и перстень со щитком. Погребение относится к верхнеобской культуре, датируется VI–VII вв. [Троицкая, Новиков, 1998, с. 20, 59, табл. 8]. Две бляхи из Релки найдены в кургане 7. Могила 1 с трупосожжением. Кроме бляхи обнаружены железные панцирные пластины, наконечники стрел, сабля, топор-тесло, бронзовые пряжки, нашивки и подвески, одна из них с антропоморфным изображением [Чиндина, 1977, рис. 24, 1–27]. Могила 3 была разрушена. В ней найдены отдельные кости человека и лошади, среди вещей — фрагменты керамического сосуда, подвеска с зооморфным изображением и фрагмент пряжки [Чиндина, 1977, рис. 23, 6, 7, 9, 10]. Погребения относятся к релкинской культуре, датируются VI–VIII вв. [Чиндина, 1977, с. 141]. В погребении 3 могильника у Архиерейской заимки было найдено 6 блях, завернутых в медную пластину. Предметы, вероятно, были отлиты в одной форме. Кроме того, обнаружены фрагменты бронзовой чаши [ЗРАО, 1899, с. 319, табл. I, 12; IV, 15]. Погребение относится к релкинской культуре, по сосуду датировано О.Б. Беликовой и Л.М. Плетневой VIII в. [1983, с. 92]. В Окуневском могильнике две бляхи (тип 2, подтип 3; тип 1, подтип 1) найдены в погребении XX с трупосожжением. Могила содержала богатый инвентарь: железные тесло, нож, черешковый трехлопастной наконечник стрелы, обломок цепочки от ножен, две бронзовые пряжки, блок чумбура, два спиралевидных браслета, 40 бочонковидных бусин, котловидная подвеска, профильная фигурка медведя, попирающего стилизованную змею. Погребение относится к потчевашской культуре и датируется VI–VII вв. [Могильников, Конилов, 1983, с. 170, 180].

Таким образом, прямоугольные вертикальные бляхи типа 2, подтипа 3 происходят из закрытых комплексов верхнеобской, релкинской и потчевашской культур. Погребения представлены как труположениями, так и трупосожжениями, в которых, за редким исключением, не прослеживается ярко выраженного инокультурного влияния. Большинство находок датируется VI–VII вв.

Датировка бляхи с Чумыша-Переката определяется широким кругом аналогий для предметов сопроводительного набора из могилы 30 и анализом хронологии могильника в целом. Отдельные категории предметов из этого погребения датируются широким хронологическим диапазоном, другие же имеют более узкие даты. Подвески-ворворки бытовали в лесной зоне и на севере лесостепи Западной Сибири в течение длительного времени. Экземпляр из Саратовки, практически идентичный находке из мог. 30, датируется VI–VII вв. [Илюшин, 1999, с. 57]. Редкие геральдические бляшки с изображением цветка имеют довольно узкую дату, основанную на аналогиях из Монгун-Тайги и погр. 18 могильника Горный 10. Последняя датируется по китайской монете не ранее 630 г., а вероятнее всего, серединой — концом VII в. [Серегин, Степанова, 2022, с. 718]. Остальные элементы поясных гарнитур, представленные геральдическими бляшками редких типов, близкими к находкам из Кудыргэ, Релки, Красного Яра 1, Горного 10 и Черемзы 1, можно также датировать в рамках периода, ограниченного серединой — концом VII в. Пряжки и псевдопряжки из мог. 30 датируются в широком диапазоне — VI–VII вв. Наконец, псевдоколты, имеющие прямые аналогии в материалах могильника Кудыргэ, также датируются серединой VII в. Если рассматривать всю совокупность раннесредневековых погребений могильника Чумыш-Перека, обращают на себя внимание многочисленные аналогии с комплексами кудыргинского времени, в том числе ранними погребениями Осинкинского могильника [Савинов, 2000]. Таким образом, непротиворечивой датой для погребения 30 и бляхи с изображением «медведей в жертвенной позе» представляется диапазон середина VII — рубеж VII–VIII вв. Косвенно это подтверждает и единственная радиоуглеродная дата, имеющаяся по могильнику Чумыш-Перека (мог. 28): $1526 \pm 95 \text{ BP}$, с учетом калибровки по 1δ (68,2 %) — $427\text{--}605 \text{ AD}$; по 2δ (95,4 %) $268\text{--}669 \text{ AD}$ [Фрибус, Грушин, 2020b, с. 103].

Заключение

Бляха с изображением медведей «в жертвенной позе» из могилы 30 некрополя Чумыш-Перека является первой находкой такого типа в центральной части Верхнего Приобья. Анализ погребального обряда и сопроводительного инвентаря этого погребения позволяет сформулировать некоторые выводы относительно структуры коллектива, оставившего могильник Чумыш-Перека, и этнокультурной ситуации на севере Верхнего Приобья в данный период.

В составе сопроводительного набора погребения 30 выделяется как минимум два компонента, которые вряд ли возможно связать с местным, «самодийским» субстратом. Первый мож-

но условно назвать «северным». Он включает керамический сосуд, который находит аналогии в релкинской культуре, характерные подвески-ворворки и рассматриваемую бляху.

Другой компонент — «южный». Он представлен псевдоколтами, практически идентичными находкам из могильника Кудыргэ, и редкими поясными бляшками с изображением четырехлепесткового цветка. Эти находки могли являться как импортом, так и местными репликами «престижных» предметов. Анализ расположения элементов поясной гарнитуры в погребении показывает, что пояс был уложен в головах отдельно. В целом рассматриваемое погребение выглядит несколько обособленно относительно других женских и детских погребений могильника, в которых местный субстрат прослеживается достаточно четко.

Сложный, синкретичный, состав коллектива, оставившего некрополь Чумыш-Пережат, подтверждается и с учетом анализа материалов могильника в целом. На памятнике исследована серия мужских погребений в сопровождении коня [Фрибус, Грушин, 2021]. В них отсутствуют керамические сосуды и при этом найдены предметы, обнаруживающие близкие аналогии на юге, в том числе в материалах кудыргинского этапа,— элементы конской упряжи (удила и пса-лии, стремена, пряжки, элементы поясных гарнитур, кочедыки, некоторые типы украшений). Механизм появления этих элементов в лесостепной зоне Верхнего Приобья пока остается не до конца ясным. Местный («самодийский») компонент является основным в большинстве женских и детских погребений. Прежде всего это характерная керамика, орнаментированная гребенкой и жемчужником, а также некоторые типы украшений. Единичные находки имеют аналогии на севере и востоке, в основном в памятниках Новосибирского и Томского Приобья, Кузнецкой котловины (Восточное Присалаирье). Кроме рассматриваемой бляхи с изображением медведей, это подвески-лунницы и другие украшения из могилы 23, а также орнитоморфная подвеска из могилы 20. Морфологическая неоднородность предметов подтверждается и данными, полученными при исследовании состава сплавов, использованных для их изготовления.

Микроколлектив, представители которого были захоронены на могильнике Чумыш-Пережат, по всей видимости, имел высокий социальный статус. На это указывает ряд фактов: наличие серии мужских погребений с конем, присутствие «богатых» и неординарных женских захоронений, включающих украшения, как местные, так и характерные для «тюркского» и «угорского» мира, находки наборных поясов не только в погребениях мужчин, но также женщин и детей и ряд других. Очевидно, что речь идет не только о широких культурных связях, основанных на товарообмене и импорте, но и о заимствовании отдельных идеологических представлений (погребения в сопровождении коня), несмотря на то что они были восприняты в своеобразной трактовке.

Раннесредневековый комплекс могильника Чумыш-Пережат синкретичен. Безусловно, выделение составляющих этого комплекса — предмет для дискуссий. Важным является сочетание «северных» и «южных» компонентов в отдельных погребениях, с учетом довольно ранних датировок. Верхнее Приобье при этом остается ключевым регионом, материалы которого дают возможность проследить первые шаги кочевнической культуры на север и ее взаимодействие с обитателями лесостепи.

Благодарности. Авторы выражают признательность Н.С. Курганову (реставрация находок) (ИИМК РАН), А.А. Тишкину (рентгенофлюоресцентный анализ), В.Е. Алексеевой (антропологические определения), В.О. Сайберт (графические иллюстрации) (АлтГУ), Е.В. Трусовой, В.Ю. Ганенку (КемГУ), всем участникам Салаирской археологической экспедиции, а также редакции и анонимным рецензентам, благодаря которым удалось значительно улучшить текст статьи.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках программы ФНИ ГАН «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008) (А.В. Фрибус) и в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект 748715Ф.99.1. ББ97АА00002) (С.П. Грушин). Полевые исследования в 2014–2019 гг. проводились совместной Салаирской археологической экспедицией Кемеровского государственного университета и Алтайского государственного университета под руководством авторов при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. 260 с.

Бауло А.В. «Старик священного города»: Иконография божества в образе медведя по археологическим и этнографическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. № 2. С. 118–128.

Между тайгой и степью: новая находка бляхи с изображением «медведей в жертвенной позе»...

Бауло А.В. «Изваян от меди...»: Каталог сибирских древностей, отлитых из бронзы. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. 231 с.

Бауло А.В., Белогай О.И. Казымский клад. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2020. 248 с.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. 244 с.

Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С. Характер взаимодействия кочевого и оседлого населения на юге Западной Сибири в период раннего средневековья // Труды II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале 2008 г. М.: Изд-во ИА РАН, 2008. С. 197–199.

Гаверилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Гемусев И.Н. Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 137–144.

Гондатти Н.Л. Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири // Труды РГО. М., 1888. С. 43–69.

Горбунов В.В. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. I. С. 37–42.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Фролов Я.В. Редкое погребение единцовской культуры на памятнике Страшный Яр-1 в Барнаульском Приобье // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время: Материалы междунар. конф., посвященной 80-летию юбилею Л.А. Чиндиной. Томск: Д Принт, 2017. С. 106–110.

Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге: (Полевой сезон 1958 г.) // Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. (Труды ТКАЭЭ; Т. I). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 73–150.

Грушин С.П. Планиграфия раннесредневекового комплекса могильника Чумыш-Пережат в контексте изучения процесса ранней тюркизации юга Западной Сибири // Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность: Материалы II Междунар. алтаист. форума. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 74–77.

Грушин С.П., Фрибус А.В., Тишкин А.А., Сайберт В.О. Комплексный анализ раннесредневековых наборных поясов из могильника Чумыш-Пережат (Верхнее Приобье) // Вестник ТГУ. История. 2020. № 67. С. 128–136.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 160 с. (МИА; № 48).

ЗРАО — Записки Императорского русского археологического общества. Н. С. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1899. Т. XI. Вып. 1–2.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: Публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. 160 с.

История Сибири: В 4 т. Т. 2: Железный век и Средневековье / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. 643 с.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В. Начальные процессы тюркизации Западной Сибири по данным археологии // Средневековая археология евразийских степей: Материалы Учредительного съезда Междунар. конгресса. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. Т. 1. С. 60–63.

Мец Ф.И. О возможной балканской параллели одному из сюжетов западносибирской металлопластики («медведь в жертвенной позе») // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 125–136.

Могильников В.А., Конилов Б.А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Приишимье // СА. 1983. № 2. С. 162–182.

Пилипенко А.С., Трапезов Р.О., Томилин М.А., Черданцев С.В., Пилипенко И.В., Поздняков Д.В., Молодин В.И., Нестерова М.С., Журавлев А.А., Рыкун М.П. Реконструкция генетической истории населения Западной Сибири: Палеогенетический анализ раннесредневековых антропологических материалов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. Т. XXIX. С. 806–812.

Постнов А.В., Ширин Ю.В., Басова Н.В. Результаты археологического обследования поселения Черемза-1 в Новокузнецком районе Кемеровской области в 2019 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXV. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 795–799.

Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Л.: Государственный Русский музей, 1927. Т. III. Вып. 2. С. 37–52.

Савинов Д.Г. Кудыргинский предметный комплекс на Северном Алтае (по материалам Осинкинского могильника) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 2000. С. 170–177.

Савинов Д.Г. Южная и Западная Сибирь в I тыс. н.э. (проблема культурных контактов и взаимодействия) // Труды II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2011. С. 13–18.

Савинов Д.Г., Новиков А.Н., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох: (Басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.

Серегин Н.Н., Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Погребение с двумя лошадьми эпохи Тюркских каганатов из некрополя Горный 10 (Северный Алтай) // Теория и практика археологических исследований, 2019. № 2 (26). С. 15–34.

Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. Роговое стремя из некрополя эпохи Тюркских каганатов Горный 10 (Северный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. XXVI. С. 603–610.

Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. Погребение эпохи Тюркских каганатов с набором китайских монет: К хронологии объектов некрополя Горный-10 (Северный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVIII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 714–720.

Сотникова С.В. О семантике сюжета «медведь в жертвенной позе» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 449–453.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Фролов Я.В. Комплексный анализ наборного пояса из самодийского погребения VI–VII вв. на памятнике Страшный Яр-1 в Барнаульском Приобье // Археология евразийских степей. 2018. №6. С. 235–240.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.

Троицкая Т.Н. Культ медведя в Верхнем и Среднем Приобье в I тыс. н.э. // Народы Сибири: История и культура. Медведь в древних и средневековых культурах Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 43–47.

Троицкая Т.Н., Дураков И.А. Еще раз о культе медведя // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. С. 97–107.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Л.А. Голубева, В.А. Могильников, В.В. Седов, Р.Л. Розенфельдт. М.: Наука, 1987. 510 с. (Археология СССР; Т. 17).

Фрибус А.В., Грушин С.П. Результаты исследований грунтового могильника Чумыш-Пережат в 2017–2018 гг. // АО 2018 г. М.: ИА РАН, 2020а. С. 476–479.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Серия радиоуглеродных дат с разновременного могильника Чумыш-Пережат в Западном Присалаирье // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: Прошлое, настоящее, будущее. СПб.: ИИМК РАН: РГПУ; Самара: Порто-принт, 2020b. С. 103–104.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Всадники эпохи Тюркских каганатов на Северном Алтае (по материалам могильника Чумыш-Пережат) // Творец культуры: Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сборник науч. статей, посвященных 80-летию проф. Д.Г. Савинова / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 339–354. (Труды ИИМК РАН; Т. LVII).

Чемякин Ю.П. Образ медведя на прямоугольных бляхах Урала и Западной Сибири // Международное (XVI Урал.) археол. совещание. Пермь, 2003. С. 225–226.

Чемякин Ю.П. Возможные истоки и время бытования металлопластики с изображением медведя в жертвенной позе // Твер. археол. сборник. 2009. Вып. 7. С. 428–439.

Чемякин Ю.П. Еще раз о бляхах с изображениями медведей «в жертвенной позе» // Архаическое и традиционное искусство: Проблемы научной и художественной интерпретации. Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 109–113.

Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья (МИА; № 35). М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 121–178.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 192 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в раннем средневековье (релкинская культура). Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 184 с.

Ширин Ю.В. Культ медведя в Западной Сибири: (К проблеме контаминации) // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири / Отв. ред. А.И. Боброва. Томск: Том. гос. университет систем управления и радиоэлектроники, 1997. С. 217–223.

Ширин Ю.В. Черемза 1 — необычный комплекс в ареале верхнеобской культурной общности // Творец культуры: Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сборник науч. статей, посвященный 80-летию проф. Д.Г. Савинова / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 355–370. (Труды ИИМК РАН; Т. LVII).

Ядринцев Н.М. О культе медведя, преимущественно у инородцев Сибири // Этнографическое обозрение Сибири. 1890. № 1. С. 101–115.

Fribus A.V.^a, Grushin S.P.^{b,*}

^a Institute for the History of Material Culture RAS

Dvortsovaya nab., 18, A, St. Petersburg, 191186, Russian Federation

^b Altai State University, prosp. Lenina, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation

E-mail: fribus@list.ru (Fribus A.V.); gsp142@mail.ru (Grushin S.P.)

Between the taiga and the steppe: a new find of the “bears in a sacrificial pose” plaque from the Upper Ob region

The purpose of this study is a comprehensive analysis of a new find of a plaque depicting “bears in a sacrificial pose” from the Chumysh-Perekat necropolis. Such artifacts were widespread in the early Middle Ages in the

* Corresponding author.

Между тайгой и степью: новая находка бляхи с изображением «медведей в жертвенной позе»...

taiga, forest and forest-steppe zone of Eurasia in vast territories from the Urals to the Achinsk-Mariinsk forest-steppe. The Chumysh-Perekat necropolis is located in the Upper Ob region, in the north-east of Altai Krai, on the right bank of the River Chumysh. Seventeen early medieval burials of the Odintsovo Culture have been studied there. The plaque was found in women's grave No. 30. The grave goods included some decorations and fragments of belt sets, which have similarities in complexes of the Kudyrge stage. At the same time, the plaque depicting "bears in a sacrificial pose" only finds analogies in the north, in necropolises of the Novosibirsk and Tomsk Ob regions. To date, more than 100 rectangular plaques with images of "bears in a sacrificial pose" are known. The presented find is one of the southernmost in Western Siberia. This artifact belongs to the vertical class, group 3 (depicting three bear heads), type 2 (the plate is divided into three vertical stripes, the bear heads are positioned on the central, widest part), subtype 3 (with a detailed imaging of bears' face and paws), according to the typology of Yu.P. Chemyakin. Metal analyses show that the compositions of alloys used for the production of the plaques and belt sets found on site differ significantly. A copper-silver-tin-zinc alloy and lead brass were used for manufacturing belt plates. The plaque with "bears in a sacrificial pose" is made of copper-lead-tin alloy. The complex has been dated to the middle of the 7th — turn of the 8th c. AD. The micro-collective, whose representatives were buried in the Chumysh-Perekat, apparently was of a high social status. This is indicated by several facts: the presence of a number of male burials with a horse, the presence of "rich" and extraordinary female graves which include decorations, both of local origin and characteristic of the "Turkic" and "Ugric" world, finds of belt sets not only in male, but also in female and children's burials, etc.

Keywords: Altai, Odintsovo Culture, Verhneobskaya Culture, cult casting, Early Middle Ages.

Acknowledgements. The authors are grateful to N.S. Kurganov (restoration of artifacts) (IHMC RAS), A.A. Tishkin (X-ray fluorescence analysis), V.E. Alekseeva (anthropological definitions), V.O. Saibert (graphic illustrations) (AltSU), E.V. Trusova, V.Yu. Ganenok (KemSU), all participants of the Salair Archaeological Expedition, as well as the Editorial staff and anonymous reviewers, thanks to whom it was possible to significantly improve the text of the article.

Funding. The research was carried out within the framework of the program "Features of the change of archaeological cultures among pastoralists of Eurasia and farmers of the Caucasus and Central Asia in the Neolithic — Early Middle Ages" (FMZF-2025-0008) (A.V. Fribus) and within the framework of the state task of the Altai State University "The Turkic World of the Greater Altai: unity and diversity in history and modernity" (project 748715F.99.1. BB97AA00002) (S.P. Grushin). Field research in 2014-2019 conducted by a joint expedition of Kemerovo State University and Altai State University with the financial support of the Saint-Petersburg State Museum-Institute of the Rerich Family.

REFERENCES

- Baulo, A.V. (2011). *Ancient bronze from ethnographic complexes and random collections*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Baulo, A.V. (2016). "The Old Man of the Holy City": Iconography of the deity in the image of a bear according to archaeological and ethnographic data. In: *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 44(2), 118–128. (Rus.).
- Baulo, A.V. (2022). "Sculpted from copper...": *Catalog of Siberian antiquities cast in bronze*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Baulo, A.V., Belogai, O.I. (2020). *Kazymy sky treasure*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Belikova, O.B., Pletneva, L.M. (1983). *Monuments of the Tomsk Ob region*. Tomsk: Izd-vo TGU. (Rus.).
- Chemyakin, Yu.P. (2003). The image of a bear on rectangular plaques of the Urals and Western Siberia. In: *Mezhdunarodnoe (XVI Uralskoe) arkheologicheskoe soveshchanie*. Perm, 225–226. (Rus.).
- Chemyakin, Yu.P. (2009). Possible origins and time of existence of metal plastics with the image of a bear in a sacrificial pose. In: *Tverskoi arkheologicheskii sbornik*, (7), 428–439. (Rus.).
- Chemyakin, Yu.P. (2014). Once again about the plaques with images of bears "in a sacrificial pose". In: *Arkhaicheskoe i traditsionnoe iskusstvo: Problemy nauchnoi i khudozhestvennoi interpretatsii*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 109–113. (Rus.).
- Chernetsov, V.N. (1953). Bronze of Ust-Poluy time. In: *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priobya*. Moscow: Akademiya nauk SSSR, 121–178. (Rus.).
- Chindina, L.A. (1977). *Relka burial ground on the Middle Ob*. Tomsk: Izdatelstvo TGU. (Rus.).
- Chindina, L.A. (1991). *History of the Middle Ob region in the Early Middle Ages: (Relka culture)*. Tomsk: Izdatelstvo TGU. (Rus.).
- Fribus, A.V., Grushin, S.P. (2020a). Results of the study of the Chumysh-Perekat burial ground in 2017–2018. In: *Arkheologicheskiye otkrytiya 2018*. Moscow: IA RAN, 476–479. (Rus.).
- Fribus, A.V., Grushin, S.P. (2020b). A series of radiocarbon dates from the Chumysh-Perekat burial ground in the Western Salair region. In: *Radiouglerod v arkheologii i paleoekologii: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. St. Petersburg: IIMK RAN: RGPU; Samara: Porto-print, 103–104. (Rus.).
- Fribus, A.V., Grushin, S.P. (2021). Horsemen of the era of the Turkic Khaganates in the Northern Altai (based on the materials of the Chumysh-Perekat burial ground). In: *Tvorets kultury: Materialnaya kultura i dukhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii: Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennykh 80-letiyu professora D.G. Savinova*. St. Petersburg: IIMK RAN, 339–354. (Rus.).

- Gavrilova, A.A. (1965). *The burial ground of Kudyrge as a source on the history of the Altai tribes*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Gemuev, I.N. (1985). Some aspects of the bear cult and their archaeological parallels. In: *Uralo-Altaiika. Arkheologiya. Etnografiya. Yazyk*. Novosibirsk: Nauka, 137–144. (Rus.).
- Golubeva, L.A., Mogilnikov, V.A., Sedov, V.V., Rosenfeldt, R.L. (1987). *Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Gondatti, N.L. (1888). The cult of the bear among aborigines of North-Western Siberia. In: *Trudy RGO*. Moscow, 43–69. (Rus.).
- Gorbunov, V.V. (2003). Processes of Turkization in the south of Western Siberia in the Early Middle Ages. In: *Istoricheskiy opyt khozyaistvennogo i kulturnogo osvoeniya Zapadnoi Sibiri. Kn. 1*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. 37–42. (Rus.).
- Gorbunov, V.V., Tishkin, A.A., Frolov, Ya.V. (2017). A rare burial of the Odintsovo culture at the monument Strashnyi Yar-1 in Barnaul Ob region. In: *Kultury i narody Severnoi Evrazii: vzglyad skvoz vremya: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letnemu yubileyu L.A. Chindinoi*. Tomsk: D'Print, 106–110. (Rus.).
- Grach, A.D. (1960). Archaeological research in Kara-Khol and Mongun-Taiga: (Field season 1958). In: *Materialy po arkheologii i etnografii Zapadnoi Tuvy. Trudy TKAE. T. 1*. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 73–150. (Rus.).
- Grushin, S.P. (2021). Planography of the Early Medieval complex of the Chumysh-Perekat burial ground in the context of studying the process of early Turkization of the South of Western Siberia. In: *Tyurko-mongolskii mir Bolshogo Altaya: Istoriko-kulturnoe nasledie i sovremennost: Materialy II Mezhdunarodnogo altaisticheskogo foruma*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 74–77. (Rus.).
- Grushin, S.P., Fribus, A.V., Tishkin, A.A., Saibert, V.O. (2020). Comprehensive analysis of Early Medieval typesetting belts from the Chumysh-Perekat burial ground (Upper Ob region). In: *Vestnik TGU. Istoriya*, (67), 128–136. (Rus.).
- Gryaznov, M.P. (1956). *History of ancient tribes of the Upper Ob on excavations near the village of Bolshaya Rechka*. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR. (Rus.).
- Ilyushin, A.M. (1999). *Saratovka Burial ground: publication of materials and experience of ethnoarchaeological research*. Kemerovo: KuzGTU. (Rus.).
- Kiryushin, Yu.F., Gorbunov, V.V. (2007). Initial processes of Turkization of Western Siberia according to archaeology data. In: *Srednevekovaya arkheologiya evraziiskikh stepei: Mat. Uchreditelnogo sezda Mezhdunar. kongressa. T. 1*. Kazan: Institut istorii AN RT, 60–63. (Rus.).
- Metz, F.I. (2004). About a possible Balkan parallel to one of the plots of West Siberian metal plastics (“bear in a sacrificial pose”) In: *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo. Vyp. 2*. Tomsk; Khanty-Mansiisk: Izd-vo Tom. Un-ta, 125–136. (Rus.).
- Mogilnikov, V.A., Konikov, B.A. (1983). The burial ground of the Potchevash culture in the Middle Priishimye. In: *Sovetskaya arkheologiya* (2), 162–182. (Rus.).
- Molodin, V.I. (Ed.) (2019). *History of Siberia. Vol. 2: Early Iron and Middle Ages*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Pilipenko, A.S., Trapezov, R.O., Tomilin, M.A., Cherdantsev, S.V., Pilipenko, I.V., Pozdnyakov, D.V., Molodin, V.I., Nesterova, M.S., Zhuravlev, A.A., Rykun, M.P. (2023). Reconstruction of the genetic history of the population of Western Siberia: Paleogenetic analysis of early medieval anthropological materials In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopedelnykh territorii. T. 29*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 806–812. (Rus.).
- Postnov, A.V., Shirin, Yu.V., Basova, N.V. (2019). Results of the archaeological survey of the Cheremza-1 settlement in the Novokuznetsk district of the Kemerovo region in 2019. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopedelnykh territorii. T. 25*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 795–799. (Rus.).
- Rudenko, S.I., Glukhov, A.N. (1927). The burial ground of Kudyrge in Altai. In: *Materialy po etnografii*, 3(2), 37–52. (Rus.).
- Savinov, D.G. (2000). Kudyrge complex in the Northern Altai (based on the materials of the Osinkinsky burial ground). In: *Pamyatniki drevneyurkskoi kultury v Sayano-Altai i Tsentralnoi Azii*. Novosibirsk: Izd-vo NGPI, 170–177. (Rus.).
- Savinov, D.G. (2011). Southern and Western Siberia in the I millennium A.D. (the problem of cultural contacts and interaction). In: *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo sezda v Suzdale. T. 4*. Moscow: IA RAN, 13–18. (Rus.).
- Savinov, D.G., Novikov, A.N., Roslyakov, S.G. (2008). *Upper Ob region at the turn of the epochs: (Basandaika culture)*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Seregin, N.N., Abdulganeev, M.T., Stepanova, N.F. (2019). Burial with two horses of the era of the Turkic Khaganates from the necropolis of Gorny 10 (Northern Altai). In: *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, (2), 15–34. (Rus.).
- Seregin, N.N., Stepanova, N.F. (2020). The horn stirrup from the necropolis of the era of the Turkic Khaganates Gorny 10 (Northern Altai). In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopedelnykh territorii. T. 26*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 603–610. (Rus.).
- Seregin, N.N., Stepanova, N.F. (2022). Burial of the era of the Turkic Khaganates with a set of Chinese coins: to the chronology of the objects of the Gorny-10 necropolis (Northern Altai). In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopedelnykh territorii. T. 28*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 714–720. (Rus.).
- Shirin, Yu.V. (1997). The cult of the bear in Western Siberia (on the problem of contamination) In: *Aktualnye problemy drevnei i srednevekovoi istorii Sibiri*. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet sistem upravleniya i radioelektroniki, 217–223. (Rus.).

Между тайгой и степью: новая находка бляхи с изображением «медведей в жертвенной позе»...

Shirin, Yu.V. (2021). Chermenza 1 — an unusual complex in the area of the Verkhneobskaya cultural community. In: *Tvoretzskaya kul'tura: Material'naya kul'tura i dukhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii: Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennykh 80-letiyu professora D.G. Savinova*. St. Petersburg: IIMK RAN, 355–370. (Rus.).

Sotnikova, S.V. (2004). On the semantics of the plot “the bear in a sacrificial pose” In: *Kompleksnyye issledovaniya drevnikh i traditsionnykh obshchestv*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 449–453. (Rus.).

Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V., Frolov, Ya.V. (2018). A comprehensive analysis of the typesetting belt from the Samoyed burial of the VI–VII centuries on the Strashny Yar-1 in Barnaul Ob region. In: *Arkheologiya evraziiskikh stepei*, (6), 235–240. (Rus.).

Troitskaya, T.N. (1979). *Kul'aika culture in the Novosibirsk Ob' region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Troitskaya, T.N. (2000). The cult of the bear in the Upper and Middle Ob region in the I millennium A.D. In: *Narody Sibiri: Istoriya i kul'tura. Medved v drevnikh i srednevekovykh kulturakh Sibiri*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 43–47. (Rus.).

Troitskaya, T.N., Durakov, I.A. (1995). Once again about the cult of the bear. In: *«Moya izbrannitsa nauka, nauka, bez kotoroi mne ne zhit...»*. Barnaul: Izd-vo AltGU, 97–107. (Rus.).

Troitskaya, T.N., Novikov, A.V. (1998). *Verkhneobskaya culture in the Novosibirsk Ob region*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).

Vasyutin, A.S., Vasyutin, S.A., Onishchenko, S.S. (2008). The nature of interaction between nomadic and sedentary populations in the south of Western Siberia during the Early Middle Ages In: *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale*. Moscow: IA RAN, 197–199. (Rus.).

Yadrintsev, N.M. (1890). About the cult of the bear, mainly among the aborigines of Siberia. *Et-nograficheskoe obozrenie Sibiri*, (1), 101–115. (Rus.).

Фрибус А.В., <https://orcid.org/0000-0003-3208-0319>

Грушин С.П., <https://orcid.org/0000-0002-5404-6632>

Сведения об авторах:

Фрибус Алексей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

Грушин Сергей Петрович, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул.

About the authors:

Fribus, A.V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg.

Grushin, S.P., Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State University, Barnaul.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 19.12.2024

Article is published: 15.03.2025